

АКАДЕМИЯ НАУК РОССИИ
РУССКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
академика Российской Академии наук
М. Н. БОГОЛЮБОВА

Вып. XXX
ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ. ВОСТОЧНЫЙ ГИНДУКУШ

«ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ»
1998

Махмуд Салихов, И. М. Стеблин-Каменский

МЕРА ЗЕМЛИ ИЛИ СУДЬБЫ В «ИСТОРИИ БЕЙХАКИ»

В своих замечательных мемуарах, писавшихся во второй половине XI в. и известных как «История Мас'уда» или «История Бейхаки», Абу-л-Фазл Бейхаки, «знаменитый дабир и глава государственной канцелярии», приводит много пословиц и поговорок, использует массу идиом и афоризмов и вообще демонстрирует «убеждающую силу и красоту слога и чистоту языка», оцененную еще его современниками [Арендс, 1969, с. 50].

Среди пословиц встречаются и знакомые по многим языкам, типа «везти финики (хигтā) в Басру» [с. 168]¹, которая имеет в персидском немало вариантов: «везти зиру (zīra) в Керман», «полосатое полотно (burd) в Йемен», «стекло (ābgīna) в Алеппо» и проч. Напомним изречения Бейхаки в переводе А. К. Арендса: «Сытый голодного считает пьяным и безумным» [с. 320]; «У семи поваров² котел не кипит» [с. 481—482]; «Нелепо воробью домогаться гнезда сокола» (с. 685). Примеры можно приводить бесконечно, ведь все повествование Бейхаки — блестящий образец персидской прозы. Оно, к нашему счастью, полностью превосходно переведено на русский язык Альфредом Карловичем Арендсом (1893—1977) и издавалось с обширными комментариями дважды [Арендс, 1962; 1969].

В этой заметке, посвященной памяти нашего учителя и друга, любившего переводить персидские стихи [Грюнберг, 1981; 1988], разъясняется одно изречение Бейхаки, оставшееся не узнанным и не понятым издателями текста «Истории», и даются поэтические к нему параллели в разных переводах.

Довольно часто вспоминает Бейхаки о переменчивости судьбы: «Приспевшую судьбу одолеть нельзя» [с. 482]; «Судьба сидела в засаде и готовила свое дело» [с. 182]; «Йусуф с престола упал в колодец» [с. 249]; «Что может сделать лекарь с судьбой?» [с. 397]; «Такой обманчивый мир — он не сохраняет одно и то же положение» [с. 419]; «Скажу я несколько слов о мире обманчивом, одной рукой рассыпающим сахар, а другой рукой отравляющим ядом, одних испытующем несчастьем, других одевающим в рубашку благоденствия...» [с. 376]; «Были мы нищие и стали богаты» [с. 489] и т. д. О переменчивой судьбе

рассуждает Бейхаки и в исследуемом отрывке в разделе «Повествование о битве султана Мас'уда с потомками Сельджука под Мервом» (Летопись года четырехста тридцать первого — 1039/40 г.).

Описывая трагические события зимы—весны 1040 г., когда предводитель сельджуков Тогрул опустошил округу Нишапура, Бейхаки замечает: «Этакого голода в Нишапуре не помнили. Множество народу померло... В это время я видел кое-какие примечательные вещи, их надо обязательно рассказать, ибо каждая из них содержит в себе предостережение, дабы люди умные лучше познали сей мир...» [с. 608; Арендс, 1969, с. 739].

Далее среди этих «примечательных вещей» излагается поучительная история о покупке участка земли, которую несколько лет назад за десять тысяч дирамов сторговал у хозяев покойный наставник Бейхаки, начальник султанской канцелярии Бу Наср. Бейхаки рассказывает, что уже написали купчую, но в самый последний момент Бу Наср передумал покупать землю и предсказал, что земля вскоре сильно подешевеет.

В самом деле, потом эту землю продавали в пять раз дешевле, и новый начальник канцелярии Бу Сахл купил ее. Впоследствии же, после разгрома газневидского войска, «положение, — пишет Бейхаки, — ...стало такое, что джуфтвар земли продавался за один ман пшеницы и никто не покупал...» [Арендс, 1969, с. 741].

Джуфтвар — это мера земли, от перс. *juft* 'пара', имеется в виду пара волов — упряжкой двух волов пашут землю. Джуфтвар — это площадь пахотной земли, которую можно обработать парой волов, но только не за один день, как иногда ошибочно поясняют (в том числе и А. К. Арендс: [Арендс, 1969, с. 958]), а за сезон. Она равна примерно 6—7 гектарам, от 5 до 9 десятин [Давидович, 1970, с. 122—123]. Количество же земли, вспахиваемой упряжкой волов за один день, могло называться *yak-gūza juft* (досл.: 'однодневная пара') и равнялось примерно 1/4 гектара [Рахимов, 1957, с. 180]. Волов специально готовили к этой самой тяжелой в году работе, когда, как это практикуется и теперь, «сев вразброс на необработанную землю предшествует пахоте» [Грюнберг, 1972, с. 166]³, что отражено в значении персидского глагола *kāg- : kāšt-* 'сеять, пахать'. Вот как говорил о пахоте на волах Акбаршо Султонов (текст записан А. Л. Грюнбергом в селении Змудг в Вахане весной 1972 г.): «При пахоте семь-десять дней волов запрягают только до полудня, чтобы волы привыкли к работе. После этого уже пашут целый день. С утра до полудня пашут; в полдень приносят на поле солому и кормят волов... Волов нельзя гонять очень быстро. Некоторые волы могут ослабеть...» [Грюнберг, Стеблин-Каменский, 1976, с. 164]. То, что волы не работают весь день, существенно для наших последующих заключений.

Вернемся к событиям в Нишапуре весной 1040 г.: «...джуфтвар земли покупают по тысяче дирамов, потом продают по двести дирамов, потом за ман пшеницы, и никто не покупает ни одного шабанруза! Этакие вещи надо брать себе в назидание...» [Арендс, 1969, с. 741]. К загадочному «шабанруз» А. К. Арендс делает следующее примечание: «Точное значение меры не установлено». Перс. *šabāngūz* значит

'сутки', букв.: «ночь-(и)-день». Что же это за странная мера пашни? Ведь волы (в отличие от трактора), как мы видели, не могут пахать сутками.

Обратившись к изданию, подготовленному профессорами Тегеранского университета К. Гани и А. Файязом в 1946 г., мы выяснили, что Альфред Карлович, доверившись носителям языка, просто следует их пониманию текста: *va kas paḡarad šabāngūz-ī* — «...и никто не покупает ни шабанруза». Здесь издатели ставят точку и, приведя по другой рукописи фонетический вариант *šabāgūz-ī*, поясняют в примечании: «Это слово — земледельский термин, поместье (milk) делят на шабанрузы» [с. 609, примеч.]. После точки издатели продолжают: *ibrat bāyad girift az čunīn čīzhā* — «Такие вещи нужно брать в пример» («брать себе в назидание» — у А. К. Арендса).

В последнем издании «Истории Бейхаки», напечатанном в Тегеране осенью 1368 г. х. (т. е. 1989), издатель профессор Тегеранского университета доктор Халиб Хатиб Рахбар повторяет примечание, как он отметил, «покойного доктора Файяза» и ставит между *šabān-rūz-ī* и *ibrat* запятую: *شبانروزی، عبرت* [с. 939, 1051]. В старых изданиях «Истории Бейхаки» В. Морлея (Калькутта, 1862) и литографии Ахмада Адиба Пишавари (Тегеран, 1307 г. х. — 1889/90 г.), как, разумеется, и в рукописях, ни знаков препинания, ни примечаний к этому пассажиру нет (Калькутта, с. 763; Тегеран, с. 616).

Но если поставить точку не после, а перед словом «шабанруз», то получим такой смысл: «...и никто не покупает. [Что и было в действительности]. Сутки [досл.: «ночь-(и)-день»] следует брать в назидание...» То есть, следует взять в пример сутки, в течение которых день сменяется ночью, тем более что по-персидски *šab-ā-rūz* и звучит как «ночь-и-день».

Образ Ночи и Дня, смены дня ночью, света — тьмой как пример вращения судьбы, внезапной перемены времени, крушения и взлёта встречается и в персидской поэзии. У Омара Хайяма, младшего современника Бейхаки, родившегося в Нишапуре через несколько лет после описанных бедствий, есть такое рубаи (цитируем по неоднократно переиздававшемуся сборнику *Tagānahā-yi Ḥayyām* «Песни Хайяма», составленному Садеком Хедаятом):

*in kuhna rabāt-rā ki ālam nām ast
ārāmgah-i ablaq-i subh-u šām ast
bazzm-i-st ki vāmānda-yi sad jamšīd ast
gūr-i-st ki x'ābgāh-i sad bahrām ast*

В собрании рубаи Ж. Б. Николя [Nicolas, 1867, p. 39, № 67] и у Р. М. Алиева и М.-Н. О. Османова [Алиев, Османов, 1959, с. 19, № 34] в последней строке вместо *x'āb-gāh* 'усыпальница' — *takya-gāh* 'приют, убежище'.

Подстрочный перевод:

В этом старом рабате (постоялом дворе), чье имя — мир,
Находится стойло пегого [коня] утра и вечера ⁴.
Это и пиршество, пресытившее сотню Джемшидов,
И могила, упокоившая сотню Бахрамов.

Указание на пир Джемшида напоминает о том, что именно этот мифический царь ариев, первый царь-пастух [Стеблин-Каменский, 1993, с. 196; 1995] установил празднование Нового года (Ноуруза), научился делать вино, стал символом величия и роскоши.

Имя Бахрама, царя династии Сасанидов, получившего прозвище «Гур» (перс. *gūr* 'онагр, кулан') благодаря своему увлечению охотой на диких ослов, несомненно, обыгрывается в последней строке в связи с омонимичностью перс. *gūr* 'могила' и 'дикий осел', как это совершенно очевидно из другого рубаи Хайяма:

*bahrām ki gūr mīgirift-i ba kamand
dīdī ki čīgūna gūr bahrām girift*

Бахрама, который ловил «гур'а-осла» арканом,
Видел ли ты, как «гур-могила» поймала Бахрама?

То, что перс. *ablaq* 'пегий' — это именно пегий конь как олицетворение Времени и Судьбы, «черно-белой» смены дня и ночи, подтверждает и другое рубаи, в котором Судьба, записанная на небесах, ассоциируется с норовистым скакуном (перс. *tausan* 'норовистый, необъезженный конь'):

*ān rūz ki tausan-i falak zīn kardand
v-ārāyīš-i muštārī-vu parvīn kardand*

В тот день, когда оседлали скакуна небес
И украсили Юпитером и Плеядами...

Сравнение пегого, черно-белого скакуна с безжалостным временем, неотвратимой сменой дня и ночи, света (Ормазда) и тьмы (Ахримана), может восходить к аллегориям Зурвана, бога Времени: перс. *ablaq-i čārgāma-yī šab-u rūz* «четвероногий (т. е. быстроногий) пегий конь ночи и дня» — Время, Судьба. Эту смену дня и ночи, света и тьмы и имел в виду Бейхаки, когда советовал «брать себе в назидание» сутки-«шабанруз» (день и ночь), а рубаи Омара Хайяма подкрепляет такое понимание его изречения.

В популярном переводе Эдварда Фитцджеральда смысл хайямовского рубаи обеднен:

*Think in this batter'd caravanserai
Whose doorways are alternate night and day,
How Sultan after Sultan with his pomp
Abode his hour or two, and went his way.*

Подстрочный перевод М. Притвица:

Подумай, как в этом ветхом Караван-сараяе,
Дверьми которого являются попеременно Ночь и День,
Султан за Султаном со всей своей пышностью
Провели свой Час или два и ушли своей дорогой.
[Хижняк, 1990, с. 169]

В поэтическом переводе Дмитрия Ленкова рубаи выглядит так:

Представь, как в караван-сараях бренном,
Где дверь — то день, то ночь попеременно,

В роскошестве султаны чередой
Урвали час — и канули мгновенно.

[Ленков, 1992, с. 90; ср.: Хижняк, 1990, с. 169]

Предлагается такое переложение фитцджеральдовского перевода:

Смотри, как в ветхом караван-сараяе,
Чьи двери — День и Темь ночная,
Султан помпезный за султаном
Поцарствуют часочек исчеза.
(И. Стеблин-Каменский)

На русский язык рубаи Омара Хайяма переводилось много раз. Ниже приводятся некоторые поэтические версии и вариант, принадлежащий второму автору этой заметки.

О. Румер:

Сей караван-сарай, где то и дело день
Спешит, как гостя гость, сменить ночную тень, —
Развалины хором, где шли пиры Джамшидов,
Гробница, что дает Бахрамам спящим сень.
[Хайям, 1986, с. 162; ср.: Хижняк, 1990, с. 168; Хайям, 1993, с. 165]

Иван Тхоржевский:

Конь белый Дня, конь Ночи вороной
Летят сквозь мир в дворец мечты земной:
Все грезили его недолгим блеском!
И все очнулись перед нищей Тьмой!
[Хижняк, 1990, с. 168]

Дмитрий Седых:

Сей ветхий мир, сей караван-сарай —
Могильный склеп ушедших в ад и рай,
Гробница пиршеств сонмища Джамшидов,
Не счесть которых, сколько ни считай.
[Седых, 1983, с. 174; ср.: Хижняк, 1990, с. 167]

Герман Плисецкий:

Этот старый дворец называется — мир.
Это царский, царями покинутый, пир.
Белый полдень сменяется полночью черной,
Превращается в прах за кумиром кумир.
[Хижняк, 1990, с. 167]

Владимир Державин:

Наш мир — подобье старого рабата,
Ночлежный дом рассвета и заката,
Остатки пира после ста Джамшидов,
Пещеры ста Бахрамов свод заклятый.
[Державин, 1965, с. 59]

Николай Стрижков:

Мир — прибежище краткое наших страстей,
Усыпальница пегая дней и ночей⁵.
Он — остатки от пиршества сотен царей,
Он — могила героев, владык мавзолеей.

Цецилия Бану:

Заезжий старый двор, что «мир» зовется,
Где белый конь за вороным несется,
Был садом пиროвания ста Джамшидов,
Приютом ста Бахрамов стал, сдается.
[Бану, 1991, с. 11, № 32]⁶

И. Стеблин-Каменский:

В этом старом рабате, что миром зовётся,
И где пегая кляча Дня-Ночи пасётся,
Пир бывает порою для сотни Джамшидов,
И могила для сотни Бахрамов найдется.

Таким образом, и изречение Бейхаки, в котором перс. *šabāngūz* 'сутки' выступает, конечно, не мерой земли, а метафорой переменчивой, «черно-белой» (пегой) Судьбы, а также и приведенное рубаи Омара Хайяма напоминают нам, увы, о неотвратимости смены дня ночью, а жизни — смертью. У Александра Леоновича есть такой бейт:

Известно: детям пятницу мрачит субботы тень,
Кто может знать, что завтрашний нам обещает день?
[Грюнберг, 1988, с. 138]

Примечания

1. Здесь и далее после примеров указываются страницы «Истории Бейхаки» по Тегеранскому изданию К. Гани и А. Файяза 1946 г. [Салихов, 1993].

2. Досл.: «у многих участников» [Арендс, 1969, с. 590], ср. народный вариант: *dīg-i šarākat ba jūš nauyād* — «Артельный котел не (скоро) закипает» [Гаффаров, Гордлевский, 1913, с. 44, № 434].

3. Так же поступали и в Кафиристане: «Сначала участок засевают, потом пашут» [Грюнберг, 1980, с. 47].

4. Р. М. Алиев и М.-Н. О. Османов переводят неудачно: «Пегая усыпальница утра и вечера» (?). Третью строку они понимают так: «[Это] пиршество, оставшееся [от] сотни Джамшидов...» [с. 35]. Перс. *vāmānda-yi kas-i* здесь, на наш взгляд, лучше понять как (букв.) «утомляющее, способное утомить кого-либо».

5. Этот перевод явно восходит к подстрочнику Р. М. Алиева и М.-Н. О. Османова (см. выше, примеч. 4).

6. В четвертой строке напечатанное «был» исправлено переводчицей на «стал».

Литература

Арендс, 1962: *Абу-л-Фазл Бейхаки. История Мас'уда (1030—1041) / Пер. с перс., вступ. ст., примеч. А. К. Арендса. Ташкент, 1962.*

- Арендс, 1969: *Абу-л-Фазл Бейхаки. История Мас'уда (1030—1041) / Пер. с перс., введ., коммент и прил. А. К. Арендса. 2-е изд., доп. М., 1969.*
- Стеблин-Каменский, 1993: *Авеста. Избранные гимны. Из Видевдата / Пер. с авест. Ивана Стеблин-Каменского. М., 1993.*
- Гаффаров, Гордлевский, 1913: *Гаффаров М. А. и Гордлевский Вл. Персидские пословицы (Собрание Мирзы Абдуллы Гаффарова) / Транскрипция, перевод и комментарий (Оттиск из «Древностей Восточных». Т. IV, вып. 1.) М., 1913.*
- Грюнберг, 1972: *Грюнберг А. Л. Языки Восточного Гиндукуша. Мунджанский язык: Тексты, словарь, грамматический очерк. Л., 1972.*
- Грюнберг, 1980: *Грюнберг А. Л. Языки Восточного Гиндукуша. Язык кати: Тексты, грамматический очерк. М., 1980.*
- Грюнберг, 1981: *Грюнберг А. Л. [Переводы стихов и рифмованной прозы в:] Сказки и легенды Систана / Пер., сост. и коммент. А. Л. Грюнберга и И. М. Стеблин-Каменского. М., 1981.*
- Грюнберг, 1988: *Грюнберг А. Л. [Переводы стихов в:] Девять встреч: Персидские анонимные повести / Пер. с перс. Н. Н. Туманович и И. К. Петровой. М., 1988.*
- Грюнберг, Стеблин-Каменский, 1976: *Грюнберг А. Л., Стеблин-Каменский И. М. Языки Восточного Гиндукуша. Ваханский язык: Тексты, словарь, грамматический очерк. М., 1976.*
- Давидович, 1970: *Давидович Е. А. Материалы по метрологии средневековой Средней Азии // В. Хинц. Мусульманские меры и веса... М., 1970.*
- Державин, 1965: *Избранные четверостишия персидско-таджикских поэтов-классиков / Пер. с тадж.-фарси Владимира Державина. Душанбе, 1965.*
- Седых, 1983: *Из поэзии Востока: Избранные переводы Дм. Седых / Отв. ред. и авт. предисл. А. Н. Болдырев. М., 1983.*
- Рахимов, 1957: *Рахимов М. Р. Земледелие таджиков бассейна р. Хингуо в дореволюционный период. Сталинабад, 1957.*
- Салихов, 1993: *Салихов М. Префиксальные глаголы в «Истории Бейхаки»: Дис. ... канд. фил. наук. СПб., 1993.*
- Стеблин-Каменский, 1995: *Стеблин-Каменский И. М. Арийско-уральские связи мифа о Йиме // Россия и Восток: проблемы взаимодействия: Материалы конф. Ч. V, кн. I. Челябинск, 1995. С. 166—167.*
- Алиев, Османов, 1959: *Омар Хайям: Руба'ийат / Подгот. текста, пер. и предисл. Р. М. Алиева и М.-Н. О. Османова. Ч. 2. М., 1959.*
- Хайям, 1986: *Омар Хайям. Рубаи / Вступ. статьи З. Н. Ворожейкиной и А. Ш. Шахвердова; Сост. и примеч. А. Ш. Шахвердова. Л., 1986. («Библиотека поэта».)*
- Бану, 1991: *Омар Хайям: Рубаи / Пер. с перс. Цецилии Бану. М., 1991.*
- Хайям, 1993: *Омар Хайям. Рубаи / Сост. А. Ш. Шахвердов. СПб., 1993.*
- Хижняк, 1990: *Сад Хайяма: Сб. переводов / Авт.-сост. Михаил Хижняк. Ярославль, 1990.*
- Ленков, 1992: *Эхо веков. Рубаи Омара Хайяма и поэма Эдварда Фитцджеральда... в переводах Дмитрия Ленкова. СПб., 1992.*
- Nicolas, 1867: *Les quatrains de Khèyam traduit du persan par J. B. Nicolas... Paris, 1867.*